

DISHONORED[®]

MAINSTREAM
представляет
книги по легендарной игре **DISHONORED 2:**

Адам Кристофер
DISHONORED: ПОРЧЕННЫЙ
DISHONORED: ВОЗВРАЩЕНИЕ ДАУДА
DISHONORED: СКРЫТЫЙ УЖАС

Гордон Ренни Андреа Олимпиери
DISHONORED: ВИРМВУДСКИЙ ОБМАН
(Графический роман)

АДАМ КРИСТОФЕР

DISHONORED®

СКРЫТЫЙ УЖАС

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
К82

Adam Christopher
DISHONORED: THE VEILED TERROR

Печатается с разрешения издательства
Titan Publishing Group Ltd.
TITANBOOKS.COM

Перевод с английского Александры Давыдовой
и Сергея Карпова

Кристофер, Адам.
К82 Dishonored: Скрытый ужас : [фантастический
роман] / Адам Кристофер; [пер. с англ.]. – Москва:
Издательство АСТ, 2019. – 320 с.

ISBN 978-5-17-114590-3

От Тивии до Серконоса в ткани реальности появились прорехи — порталы в Бездну, угрожающие разорвать мир на кусочки. Бывшая охотница за головами, убийца и контрабандистка Билли ищет их источник, и в процессе поисков ей приходится забраться далеко от Дануолла. Она прибывает в город, посреди которого протянулся разлом, в страну, потрясенную гражданской войной, где воцарилось шаткое перемирие. Пожалуй, Билли — единственная, кто может справиться с угрозой... Правда, здесь ей придется столкнуться не только с врагами, но и с собственным прошлым, которое грозит изменить весь ход истории.

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-5-17-114590-3

© 2019 Bethesda Softworks LLC.
Dishonored, Arkane, ZeniMax, Bethesda, Bethesda Softworks
and related logos are registered trademarks or trademarks
of ZeniMax Media Inc. in the U.S. and/or other countries.
All Rights Reserved.

Ночь холодна, а воздух тяжел от влаги — как всегда в этом вшивом крысином городе. В любое время года. В любой сезон, будь то зима или лето, месяц Тепла, месяц Кланов, месяц поганой Тьмы, — Дануолл, столица Островной империи, великая и серая метрополия, крупнейший город в мире, все такой же холодный, промозглый, жуткий, а жизнь тех, кто зовет его улицы домом, трудна и коротка.

Девочка знает это слишком хорошо. Иногда она даже не может вспомнить, сколько уже провела на улицах, не может вспомнить ничего, кроме отдельных моментов, о своей предыдущей жизни — той, что была до холода, сырости и попыток выжить.

Иногда все, что она помнит о днях, оставшихся далеко позади, мелькает проблесками перед ее внутренним взором: образ матери, с резкими и истощенными чертами лица, вечно жестокой и злой, с единственным верным и постоянным спутником — бутылкой вонючей выпивки, которая стоит больше, чем пропитание для нее и дочери на неделю. Голос, твердый, как костлявые кулаки, и кожа на костяшках рук матери, раз за разом красневшая от разбитых скул дочери. Раз за разом.

«Это не мои воспоминания, — твердит себе девочка. — Это байка, которую рассказывают у гаснущего огня в старом баке для ворвани или в темной подворотне. Байка, которую мог бы поведать любой из горемык, молодых и старых, что ночь за ночью сбиваются вокруг вонючего пламени в поисках тепла».

Но эти воспоминания — правда. А ложь — то, что она не может их воскресить. Она и сама это понимает. На самом деле она помнит всё.

Как бы ни старалась забыть.

Она еще дитя — почти дитя, — но повидала больше, чем стоило бы видеть ребенку. Есть и другие, подобные ей — девочка знает по меньшей мере двоих своего возраста, живущих на улицах Дануолла. И еще есть банды — Шляпники, Банда Бутылочной улицы... Члены некоторых тоже подростки, почти дети, но многие куда старше — они долго выживали в городе, объединяясь друг с другом в борьбе с ним.

Хорошая мысль. Она надеется однажды привлечь их внимание своими навыками. Надеется однажды найти среди них свой дом, а может, и друзей. Другие — те, кто разжигает костры и жметя друг к другу, чтобы пережить еще одну ночь... ну, они не друзья. Они делятся своими историями, но редко — именами, да и байки о прошедшем — не более чем байки, выдуманные лишь для того, чтобы заслужить место у огня и право на еще одну ночь в относительной безопасности. Все слишком заботятся о выживании, чтобы обращать на это внимание, да и кому нужно чье-то прошлое?

Важно только то, что здесь и сейчас.

Важно только выжить. Каждая ночь — это битва, иногда в самом прямом смысле.

Как сегодня.

Вот трое мужчин — не в униформе, но на всех туники с капюшонами, и девочка видит, что капли недавнего дождя цепляются за накидки

из вываренной шерсти. Люди похожи на парней из Городской стражи — может, это они и есть. Но сегодня они выжидают, вместо того чтобы действовать. Она это чувствует. Предчувствие гибели разлито в воздухе, потенциальное насилие звенит в ночи, будто таинственное электричество, пока они ждут в подворотне и следят за баром на углу.

Несмотря на поздний час, на улице не так уж темно. Напротив, после дождя тучи разошлись, и полная луна омывает город серебром.

Девочка держится в укрытии, наблюдая за троицей. В этом она хороша — умеет пользоваться перекошенными углами древнего города, чтобы оставаться невидимой и днем, и ночью. Этому пришлось поучиться, но учеба давалась ей легко и естественно. Возможно, это побочное последствие ее воспитания — необходимость сызмальства прятаться от матери превратилась в инстинкт, хотя сама девочка того даже не заметила. А возможно, он у нее от рождения, этот дар скрытности, ловкости и изворотливости. Дар, который сослужил ей добрую службу в последние годы на улицах Дануолла.

Девочка всматривается в людей на другой стороне улицы. Она искала их, хотя и не хочет в этом себе признаваться — ведь если это правда, она будет вынуждена признать кое-что еще. Она понятия не имеет, что будет делать, обнаружив их, но пока наблюдает. Мужчины тихо переговариваются, под капюшонами блестят глаза и зубы.

Они ли это? Те самые, что спокойно стояли, пока тот негодяй пялился на Дейдре, а его спутник обзывал их обоих портовыми таракашками? Те самые, что смотрели и улыбались, когда ублюдок из Серконоса в меховом воротнике размахнулся тростью с серебряным набалдашником и размозжил череп Дейдре, в то время как его спутник все смеялся, смеялся и смеялся?

Она заставляет себя не отмахиваться от воспоминания, пока отголоски ужаса той ночи прокатываются в голове. Там были два денди из Серконоса и три офицера из Городской стражи — их привел на место преступления патруль.

Только это было не преступление. Только не в Дануолле — здесь, убив уличного беспризорника на глазах служителя закона, можно лукаво подмигнуть и откупиться парой монет.

Когда патруль ушел, денди с тростью стоял, покачиваясь на каблуках и наслаждаясь делом своих рук с ухмылкой, которую девочка никогда не забудет. А его спутник продолжал веселиться; он даже предложил брату купить новую трость. Потом тот повернулся и посмотрел на вторую девочку — на нее — и на его лицо слишком быстро вернулась та ухмылка.

Он был слабаком. Он умер легко. Острый обломок одной из деревянных газелей, украшавших его экипаж, оказался вполне пригодным оружием. Особенно эффективным, если бить в глаз.

Брат погибшего упал на колени, пытался помочь родственнику. Девочка хотела убить и его, но крики о помощи скоро привлекли бы других,

так что она не стала рисковать и сбежала, бросив Дейдре. У нее не было выбора.

Правда, убежала она недалеко. Ей нужно было вернуться, найти Дейдре. Она твердила это себе, даже зная, что это невозможно.

Она сделала крюк по мощным улицам, прячась в тенях, пока не вернулась к месту преступления. Денди и его погибший брат были на месте. Как и Дейдре. Вернулся и патруль Городской стражи, который так спокойно наблюдал за убийством ее возлюбленной. Теперь патрульные допрашивали кучера.

Она следила за ними. Запоминала лица, голоса.

Однажды они заплатят. Однажды настанет ее час — ее, и их...

Сегодня. Этот час — сегодня.

Да, это они. Да, она нашла их.

Она шагает вперед по мокрым от дождя камням, доносящийся из таверны шум маскирует ее движения. Она тянется за ножом за поясом, а потом...

Нога попадает в выбоину на мостовой. Девочка падает, руки и ноги скользят, пока она пытается восстановить равновесие.

Один из мужчин поворачивается к ней и что-то говорит. Его напарники смеются, но она не может разобрать слов из-за шума крови в ушах. Сердце в груди бьется так сильно, будто готово выпрыгнуть наружу.

Мужчина отворачивается. Девочка осталась незамеченной — край капюшона закрывает ему периферийное зрение.

Она встает и переводит дыхание. Может быть, сейчас не лучший момент. Может быть, сейчас не лучшая ночь. Их трое против нее одной, а ей нужно быть уверенной в результате.

Она бежит в переулок. Лезет вверх по толстым ржавым трубам, оплетающим стену, без труда поднимается на крышу.

А потом видит его.

Черный капюшон. Черная маска. В руках блестит нож. Он неподвижен, как горгулья, застыв на краю ближайшей крыши в угрожающей, как у той самой горгульи, позе.

А потом он прыгает.

Один из мужчин смеется, но смех обрывается, когда его горло вскрывают из-за спины. Голова запрокидывается, и горячая кровь брызжет вперед, обливая его спутников. Нападающий отталкивает тело в сторону и переносит внимание на оставшихся двоих.

У них нет ни шанса.

Девочка наблюдает, как он принимается за дело. Этот человек — мастер своего дела: все, что она слышит — лишь шепот лезвия и хлокотание в перерезанных глотках. Миг спустя на мостовой коченеют три тела, а мужчина вытирает лезвие тряпкой, которую затем бросает на трупы.

Кто он? Откуда?

Девочка придвигается ближе, наклоняясь над краем крыши. Дануолл полон бандитов, но таких, как он, она еще не видела. Она знакома со смертью на конце клинка, но его владение оружием — это...

Она втягивает воздух. Мужчина оборачивается и смотрит на нее. Лунный свет отражается в круглых глазах-линзах, и она видит, как он дышит, как опускается и поднимается, опускается и поднимается клюв его маски, похожей на консервную банку. Волосы у мужчины темные, а у края маски — шрам.

А потом...

А потом он исчезает.

Девочка выпрямляется. Оглядывается. Она одна на крыше, а на мостовой — три мертвеца, хотя она и знает, что они ненадолго остались в одиночестве. Высоко над головой облака пробегают по полной луне, такой яркой, что девочка щурится. Потом отворачивается.

И видит его. Он бежит по крыше на другой стороне улицы. Там нет подворотни, значит, он забрался по отвесной стене здания.

Невозможно?

Да, но только не для человека в маске, она знает это.

И она хочет знать больше.

Девочка не тратит времени даром — она мчится за ним, огибая улицу, перескакивая с крыши на крышу, ни на минуту не теряя его из виду. Его гибкость и скорость впечатляют, и она ни за что его не догонит. Так его не догнать.

И тогда девочка принимает решение.

Она возвращается к переулку. Скатывается по трубам, перебегает улицу — перепрыгнул трех мертвецов — и находит боковой проулок.

Вот теперь она отстала, и очень сильно. И все же отказывается сдаваться.

Она никогда не сдастся.

Еще поворот налево, еще переулок, замкнутый складами, — их стены покрыты сложным переплетением стальных лестниц и ступенек. Легкий маршрут. Она лишь надеется, что не опоздала.

Девочка лезет. Стальные платформы звенят под ногами, но вокруг никого, и ей в любом случае плевать.

Она должна его догнать. Должна.

Потому что только что она видела...

Что видела? Она не знает. Не знает, кто он. Не знает, что будет делать, когда найдет его. Она — свидетель убийства, и хорошо знает, что бывает со свидетелями.

Взгляните хотя бы на трех мертвых городских стражников на улице где-то позади.

Но незнакомец... Что-то в нем было. Что-то она заметила.

Он...

Он — выход. Он — спасение. Девочка чувствует это. У человека в маске есть цель, причина для того, чтобы быть здесь, повод, чтобы убить тех людей.

Возможно, тот же, что и у нее.

Когда она его увидела, внутри что-то всколыхнулось. Желание — потребность — в цели. Не просто месть, но что-то еще. Что-то... большее.

Крыши складов широкие и плоские, они влажно блестят — здесь скопилось воды по ци-

колотку. Девочка шлепает вперед, останавливаясь, только чтобы перевести дыхание, пока ее глаза шарят по сторонам, выискивая любое движение, любой признак чужого присутствия.

Пар от дыхания клубится перед лицом. Мускулы ноют. Голова кружится.

Она опоздала. Вокруг никого. Она одна на крышах, и город спит под ней.

Человек в маске пропал.

Крыши фабрик время от времени прерываются высокими дымоходами, их кирпичи черны и скользки. Девочка бредет вперед, ноги заплетаются, и она хватается за ближайший дымоход, чтобы не упасть. Силы вдруг покидают ее, улечучиваются, как остатки дождя вокруг.

Она его потеряла. Это ее ошеломляет, и она сама не может объяснить почему. Но отчасти она это понимает — потому что всего на пару секунд видела что-то еще.

Другую жизнь. Другое будущее.

Будущее, которое могло достаться ей.

Когда дыхание замедляется, девочка соскальзывает по дымоходу и оседает на крышу. Закрывает глаза, чувствуя под веками соленое тепло. Задерживает дыхание, начинает считать, велит себе забыть всё. Ведь жизнь, какая бы то ни было, продолжается. Три человека, которых она хотела убить, мертвы, а сама она в безопасности, потому что те люди пали не от ее руки.

Но почему-то это ее не утешает.

А потом она открывает глаза и видит убийцу в нескольких сотнях ярдов впереди, на

краю крыши, откуда он смотрит на что-то внизу.

Потом он отталкивается от края и пропадает из вида.

Что ж, в конце концов она его нашла. Ей кажется, что погоня длилась долгие часы, и уже брезжит рассвет, когда она добирается до финальной цели — это убежище убийцы. Там, на другой стороне улицы, он прыгает с крыши на балкон, а потом проскальзывает в разбитое окно разрушенного здания.

Эта часть Дануолла оставлена на произвол крыс, и пока еще она не превратилась в руины целиком, но это произойдет совсем скоро. Девочка не зашла бы сюда по своей воле. Дануолл — опасный город, особенно для таких как она, но это место — совсем другое дело.

Это гиблое место.

Несмотря на это, девочка не колеблется и следует за убийцей: пробирается той же дорогой, спрыгивает на балкон и лезет в окно.

Внутри мрачно и сыро. Сбитый ковер под ногами гниет, сломанные столы завалены плесневевшими бумагами — в далеком прошлом здесь был какой-то кабинет.

Девочка замирает, прислушивается, но ничего не слышит. Дверь перед ней открыта. Она подходит к ней и оказывается в разваливающимся коридоре. Оглядывается, потом выбирает направление и идет.

Остальное здание в таком же состоянии. Чем бы здесь ни занимались, это было что-то прибыльное. Коридоры завешаны множеством

больших картин — вспухших, как и деревянные стенные панели, от бесконечной сырости. Стены поедает напозлающая волна черного грибка.

Может, здание и пустое, но признаки жизни здесь встречаются. Некоторые комнаты вычистили, заставили рядами коек; другие превратили в чуланы, забили ящиками и бочками.

В животе урчит, когда она заглядывает внутрь одной из комнат. Там еда, много еды. «Достаточно, чтобы прокормить маленькую армию», — думает девочка.

Она медлит. Может, маленькую пропажу не заметят? Кажется, что здесь пусто — ну, не считая ее и человека в маске, который рыщет где-то рядом. Потом решает, что это не стоит риска и потери времени.

Она должна найти свою добычу. Должна.

Девочка отворачивается от входа в комнату и возвращается в коридор, потом спускается по лестнице к другим комнатам этажом ниже. Здесь пространства больше; у нескольких кабинетов сломали стены, чтобы получился большой прямоугольный зал. В нем расставлены несколько манекенов на вращающихся стойках, в их вытянутых руках — деревянные панели. На некоторых панелях нарисованы мишени, и такие же — на лбу и груди кукол.

На длинном низком верстаке вдоль стены девочка видит четыре арбалета — три маленьких модели для одной руки и версия побольше, — готовых к бою. Рядом с арбалетами — пригоршня болтов и короткий меч в ножнах.